

# Народный артист России Николай МАРТОН: Главное, чтобы зритель не ушел равнодушным. Для этого я живу

## ОДНОМУ ИЗ КОРИФЕЕВ АЛЕКСАНДРИНСКОГО ТЕАТРА ИСПОЛНЯЕТСЯ СЕГОДНЯ 80 ЛЕТ

Корреспонденту «П» Евгению А РАМЕНКО юбиляр рассказал о своем восприятии конфликта России и Украины, о том, как соединились в его творчестве слово и безмолвие, почему он играет Смерть в спектакле о Ксении Блаженной и ради чего живет.

### Я НЕ ХОЧУ ВЕРИТЬ, ЧТО РУССКИЙ И УКРАИНСКИЙ НАРОДЫ ПОССОРИЛИСЬ

— Николай Сергеевич, негоже начинать юбилейное интервью с трагической темы. Но то, что происходит на украинской земле, не может не задевать вас как уроженца деревни Мотыжин, как актера, учившегося в Киеве и начинавшего свой путь в Крымском русском театре... А потом, для меня нынешняя ситуация перекликается со спектаклем Могучего по повести «Как поспорили Иван Иванович...», где вы играли: про родных людей, поспоривших «на весь Миргород»...

— Я не хочу верить, что народы поспорились. Верю, что по существу они уважают, любят друг друга. Просто к власти на той земле пришли люди, которые настраивают украинцев против русских, внушают, что русские — враги. Думаю, когда эти люди уйдут, все изменится. Ведь у нас одни корни, родились мы от одной матери, мы братья и сестры. Как мы можем ненавидеть друг друга? Это огромная беда. Для меня это больно, как для всякого русского человека, к тому же я украинец. Невозможно смотреть новости, жена меня уводит от телевизора...

— А ген украинского театра вы ощущаете в своем творчестве?

— Обязательно, и правильно, что мы заговорили об этом. Ведь откуда мое увлечение театром? Я мальчик войны, человек села, где были разруха, голод, и откуда там взяться театру? Я не знал, что такое радиоприемник, мы жили без газа. Прimitивная жизнь была, и я умел делать всю-всю крестьянскую работу: и с животными, и с землей. И вдруг после войны к нам приезжают киевские артисты, из Театра имени Франко: Амвросий Бучма, Наталия Ужвий и так далее. И эти актеры мирового уровня, оказавшись у нас в деревне, выступают на нашей сценке: кто отрывок играет, кто стихи читает, кто поет. Это стало для меня, мальчишки лет 12 — 13, толчком. Потом уже — и кружочек в школе, и ремесленное училище в Киеве, где библиотечкарь Клавдия Игоревна подсказала: «Иди в театр». И я пошел — в тот же Театр имени Франко и увидел игру тех же артистов, но уже в полноценных спектаклях; и конечно, я выбрал это.

— А когда переехали в Ленинград, украинский акцент был?

— Мой родной язык — украинский, хотя знал я оба языка: отец говорил дома на русском, а мать — на украинском. Я такой суржик был (смеется). Дипломные спектакли, я в них участвовал, и это было для меня огромным опытом. Я должен был играть в них, чтобы зритель не ушел равнодушным. Я всегда слышу зрителя. Идти не вижу, а слышу обязательно. Потому что он мой соратник, мы вместе работаем. Мне важно, чтобы после спектакля у него в душе осталось добро. А может, даже зло, вернее ненависть к чему-то. Главное, чтобы зритель не ушел равнодушным.

— А когда переехали в Ленинград, украинский акцент был?

— Мой родной язык — украинский, хотя знал я оба языка: отец говорил дома на русском, а мать — на украинском. Я такой суржик был (смеется). Дипломные спектакли, я в них участвовал, и это было для меня огромным опытом. Я должен был играть в них, чтобы зритель не ушел равнодушным.

таким, поскольку я учился в Киевском театральном институте имени Карпенко-Карого, я играл на украинском: в «Каменном госте» играл Дон Гуана и в «Свадьбе Кречинского» — Расплюева. Но я знал, что буду в русском театре, знал и готовился к этому. В Крымском русском театре я работал 4 года, сыграл за это время 22 роли! И к моменту, когда Леонид Сергеевич Вивьен пригласил меня в Пушкинский — ныне Александринский — театр, мое произношение было приличным. Во всяком случае, в театре на это внимания как-то не обратили. Но вот когда я пришел на Ленинградское радио, режиссер Владимир Серафимович Ярмагаев был в ужасе: «Это кто вас взял в Пушкинский театр? Вивьен совсем уже постарел, что ли? Что у него с головой?! Чего вы мне здесь поете? Русский язык — язык жесткий, четкий!» Ярмагаев, правда, сказал, что я «радийный» артист, только со мной надо много работать, что он и делал. Это мой учитель настоящего русского языка.

### В СЛОВЕ — МЫСЛЬ И ЧУВСТВО

— вы до сих пор, несмотря на плотную занятость в театре, не оставляете чтецких программ. Что удерживает ваш интерес?

— Я исповедую традиционный театр, для меня в театре слово — гласнующее. И уже к этому добавляется мизансцена, музыка, свет и так далее. В слове — мысль и чувство.

— Это в былые времена Александринка была театром, где «слово — орудие мысли». Но и в «Изотове» Могучего, и в недавней премьере Терзопулоса вы лишены слов...

— Я артист, который стремится понять все. Мы живем в XXI веке, когда искусства движутся вперед, приходит что-то новое. И если ты занимаешься творчеством, то должен быть открыт новому. Поэтому я с удовольствием играю в спектаклях Фокина, Могучего и того же Терзопулоса, хотя его система мне не очень близка и понятна. Но я хочу разобраться во всем, постичь и новое мне режиссера, и новый материал. А попробуй ты, русский актер, разберись с пьесой Беккета «Конец игры»!

— Когда вы репетировали эту пьесу с Терзопулосом, вам пришлось что-то перестроить в себе?

— Пришлось. Может, я не до конца проник в философию этого театра — и господина Беккета, и господина Терзопулоса, — не постиг всех их тайн, но со своей ролью, думаю, разобрался. Она для меня не проходная, а очень тревожащая меня, мою душу. Мы с Семеном Сытником, который играет жену моего персонажа, разведены по разные стороны сцены, но должны при этом чувствовать друг друга. Чтобы было ощущение, что и после смерти, в новом мире, наши персонажи будут вместе.

— Уникальность вашего пути в том, что в нем объединились театр слова и театр невербальный, визуальный, тяготеющий к перформансу. Как вам это удалось?

— Потому что я встретился с талантливыми режиссерами. Они сумели достать из меня что-то новое (о чем я сам не знал) — и передать зрительному залу. И все-таки я понял, что из всех искусств самое близкое моему сердцу — поэзия. Я очень дорожу каждым своим поэтическим выступлением, будь то работа на радио или концертная программа.

— Только что вы выпустили аудиодиск: поэзия Лермонтова в вашем исполнении. По какому принципу отбирали стихи?

— Принцип такой: что для меня самое близкое, что меня беспокоит. Почему Лермонтов написал это стихотворение? Какую мысль и какое чувство вложил он в этот стих? Я должен это понимать, должен проникнуться глубиной чувства. Над стихотворением «Сон» или «Выхожу один я на дорогу...» я могу размышлять очень долго. Один маленький стих может быть так же значим для меня, как и огромная пьеса — как «Маскарад», который я сейчас репетирую.

— Которая возникла в вашей биографии неоднократно...

— Это самая моя любимая пьеса во всем мировом репертуаре. Я прочел ее в 15 лет, когда учился в ремесленном, и сошел с ума. И с тех пор мечтал о роли Арбенина. Но сыграл Неизвестного в спектакле Игоря Селина. Также эту пьесу в постановке Марины Гавриловой мы с Натасей Паниной играли в золотом Царском фойе Александринского театра (спектакль назывался «Неизвестный»). Сейчас в репертуаре нашего театра есть мой монолог «Монологи» в постановке Полины Неведомской, который также идет в Царском фойе; там я читаю монологи Арбенина и Неизвестного.

Никогда бы не подумал, что смогу участвовать в «Маскараде» версии Валерия Фокина. У него репетирует в основном молодежь, за исключением Петра Семака и меня. Но Валерий Владимирович счел возможным занять меня в своем новом спектакле.

— А что сегодня — последние встречи с этой пьесой — вас наиболее беспокоит в ней?

— Роль Неизвестного связана с Роком, а также с жестоким и мощным чувством мести. Какая же трагическая судьба у Неизвестного, всю жизнь свою пожившего на то, чтобы отомстить. Не менее трагичная, чем у Арбенина. Можно сказать и так: Неизвестный — как посланник Рока — несет возмездие Арбенину за себялюбие, чудовищный эгоизм.

### АЛЕКСАНДРИНКА — МОЙ ДОМ

— последнее время вы вообще играете персонажей, которые скорее сущности, а не люди: Смерть, встречающая Ксению Блаженную в конце ее жизни; Ангел-

фокусник в «Изотове»; торчащая голова в «Конец игры»; вот теперь Неизвестный как посланник Рока. Что вам помогает найти ключ к символическим ролям?

— Думаю, что возраст. Актер 40 — 50 лет вряд ли может сыграть эти роли. Он не будет знать, какими средствами выразить сущность. Вот Смерть — как это сыграть? Да никто не знает. Но почему-то Валерий Фокин назначает меня на эту роль: видимо, чувствуя, что я могу сыграть это в силу не только актерского опыта, но и жизненного.

— Само пространство Царского фойе, в котором вы играете «Монологи», влияет на этот спектакль. А как влияет на вас большая сцена, на которую вы выходите впервые, — этот ставший уже сакральным зал Карло Росси?

— Очень сильно. Это ощущается, когда мы выезжаем на гастроли в другую страну. Конечно, в Сеуле или Праге мы перед спектаклем пристраиваемся к другому пространству, «пробуем» его. Но там я остро ощущаю, что Александринка есть Александринка, что это мой дом.

Вот мы сидим с вами в моей гримерной. Здесь я готовлюсь к выходу на сцену. Здесь со стен смотрят на меня великие артисты, которым когда-то эта гримерная принадле-



Сцена из спектакля Теодороса Терзопулоса «Конец игры». Николай Мартон (Нагг), Сергей Паршин (Хамм), Игорь Волков (Клов).

жала: Юрий Толубеев, Николай Симонов, Бруно Фрейндлих, Василий Меркурьев...

— А давно эта гримерная принадлежит вам?

— Мне разрешили готовиться здесь к спектаклям спустя несколько лет после моего прихода в труппу. Это было неслыханно: ведь раньше это пространство было закреплено исключительно за народными артистами, а я даже не был заслуженным. Просто я вскоре после прихода в Пушкинский театр стал играть большие роли, даже играл Экзюпери — в очередь с Игорем Олеговичем Горбачевым.

Я не напрасно попросил, чтобы в моей гримерной повесили портреты этих артистов. Их взгляды поддерживают мою энергию, мое желание жить. Я всегда говорю им спасибо и всегда произношу перед спектаклем молитву. Каждый готовится к выходу на сцену по-своему: кто-то разговаривает, кто-то даже анекдоты рассказывает. Когда я сидел здесь рядом с Горбачевым, в пору его руководства, к нему постоянно кто-то приходил: «А когда ты мне зарплату прибавишь? А почему не дал роль?» Он отвечал на все вопросы, а потом шел и играл Сирано де Бержерака. Никан не могу понять: как такое возможно? Поэтому меня никто не трогает, знают мою привычку.

Вот я перед спектаклем достаю свои записи и повторяю роль (достаю из ящика стола блокнот). Мне приносит распечатку — но нет-нет, я всегда переписываю (смеется). Я же старый русский артист. Вот смотрите... «Надеюсь, что я не нарушаю приказа?» — князь Абрезов из «Жи-

вого трупа». Вот роль Земляники из «Ревизора». А вот... (поет) «Солнце ныз-э-энько... Ва-чир близз-э-энько...» — из спектакля «Иваны».

— Что помогло вам столько лет держаться в этом театре даже в самые сложные его периоды?

— Сила воли. Особенно трудно было в первые годы.

— Сегодня сама жизнь «затачивает» молодых артистов на проекты, не располагает к тому, чтобы обосноваться в театре. Но, по-вашему, к этому надо стремиться?

— То, что театр как дом рухнет, очень обидно. Конечно, актеру не всегда дано принимать решение, ему могут даже предложить уйти. Но если не предлагают, а наоборот, дают работу, возможность жить творчески, то за это всегда нужно держаться. Бывает ведь, что актеры уходят из театра ради кино и сериалов. Конечно, их можно понять: там больше платят... Но я думаю, счастья им не будет. Нет-нет, нужно быть дома и стремиться своему дому не изменить.

— Известно, что с приходом Фокина заметно изменилась аудитория театра, стало гораздо больше молодежи. А есть ли у вас постоянные зрители, видевшие вас на этой сцене еще в советскую эпоху?

— Думаю, есть. Но вот конкретно таких-то людей, которые сегодня придут и будут на меня смотреть, не знаю. Но я всегда слышу зрителя. Видеть не вижу, а слышу обязательно. Потому что он мой соратник, мы вместе работаем. Мне важно, чтобы после спектакля у него в душе осталось добро. А может, даже зло, вернее, ненависть к чему-то. Главное, чтобы зритель не ушел равнодушным. Вот для этого я живу.

### КСТАТИ

В Балтийском медиа-центре (Каменноостровский пр., 67) продолжается проект «История над нами пролилась...», где работает фото- и видеозапись о ленинградцах. В большом зале фоном звучит стихотворение Бориса Слуцкого, строки которого и стали названием проекта. Читает стихотворение Николай Сергеевич.



Фото Романа ИВАНОВА

— Я всегда слышу зрителя. Идти не вижу, а слышу обязательно. Потому что он мой соратник, мы вместе работаем. Мне важно, чтобы после спектакля у него в душе осталось добро. А может, даже зло, вернее ненависть к чему-то. Главное, чтобы зритель не ушел равнодушным.



Фото Екатерины КРАВЦОВОЙ

В монологическом спектакле «Монологи».

Фото предоставлено пресс-службой Александринского театра